

Этот очень большой чемодан с «Вечеркой» сам поедет по Москве

Помните, у Тарковского в «Солярисе»: из холодной безбрежности космоса взгляд наш переносится на островочек земли с маленьким уютным домом, таким родным, теплым, «своим», что и словами-то не передать тот поток чувств, который хлынет в сердце? Почему-то всякий раз, когда речь заходит о художнике Григории Белове, мне вспоминается этот образ. Наверное, происходит это потому, что подобное чувство я испытала как-то на обыкновенном «датском» концерте, когда королевское объединение «Энергия» праздновало свой юбилей.

Шел крепко сбитый из ярких исполнителей так называемый звездный концерт. Мелькали на экране, уставленном по бокам сцены, кадры кинохроники, посвященной покорению космоса... — все, как надо. И вдруг стоявший на сцене не такой уж большой шар, прямо во время исполнения русской песни коллективом Надежды Бабиной, открылся, обнажив то, что находилось внутри. А был это нехитрый российский пейзаж с деревенской и колокольной, с рекой и березами. Земля в иллюминаторе? Может быть. А может, и нечто большее — некий символ того, с чего начинается Родина. И торжественность концерта как-то незаметно перелилась в человечность, согрела сердце,

карнавальном шествии. И несмотря на то, что работы сейчас у главного художника непереворот, мы рискнули пригласить Григория Акинфовича в редакцию и задали ему весьма банальный вопрос о том, с чего все началось. На что получили неожиданный ответ.

— Это самая любопытная игра, которая существует в мире — взять и нарисовать. Из ничего, из воздуха создать жизнь — домик, солнце, человек, собачка, отношения между ними, действие. И в эту секунду начинается театр.

А началось все, наверное, в детстве. Толком я и не помню. Бабушка и дедушка были актерами. Отец — инженер. А мы с сестрицей рисовали. Получалась такая веселая игра.

В школе был пятерочником. Потом — математический факультет. 15 лет отдал математике. Правда, параллельно начал работать художником — в Москонцерте со студенческими теа-

Шлезингером, с Авшаровым, с Этушем. Возглавил со временем это хозяйство — стал главным художником Учебного театра «Щуки». Пришла работа и в эстраде, в Агентстве фестивальных программ, где работаю и поныне.

Несмотря на свою известность и, казалось бы, большой опыт общения с самыми разными людьми, Григорий Акинфович держится замкнуто, сведения из него надо вытягивать клещами, тем более что это касается его самого, и как истинно интеллигентный человек он просто не способен восхвалять себя.

— Я-то думала, глядя на ваши работы, что вы этаким щеголь, представительный, может быть, и немного самовлюбленный баловень судьбы, как Гнеушев, например, вопреки всем правилам театральной безопасности выходящий на поклон на сцену с горящей дорогой сигарой.

нашего города. Мы попытаемся рассказать о Москве с позиций поэзии.

Например, раздел «Москва — город пяти морей» включит в себя рассказ о всех реках, ручьях, от капель росы и бочки водовоза из «Волги-Волги» до мировых океанов. Или, скажем, «Москва — воздушные ворота города». Здесь речь пойдет обо всех способах полета, начиная с метлы и ковра-самолета и кончая Космосом.

— Значит, вы и здесь затеваете игру со зрителями?

— Конечно! Мне нравится игра в поэзию. Любая вещь на том столе, возле того забора, у того ручья одновременно существует на всей земле, во всей вселенной, взаимоотношится с миром.

С помощью метафоры, сравнений, рифмы можно изобразить ее жизнь и не менее чем во вселенной, обобщая и поднимая быт до бытия, лицо до лица, лоб до чела, глаза до очей.

— Когда я выражала свои вос-

— Да, у Босха одна из створок — райские сады. Там написан прозрачный шар и в нем — пейзаж.

— Но ваша сфера это не Босх, а ваша собственная интерпретация тех впечатлений, которые остались у вас от Босха...

— Благодаря Босху. Да что мы понимаем! Как это удивительно делает Тарковский! Как умеет от общего привести наше восприятие к частному!

А тот концерт, конечно, можно было бы оформить различными космическими аппаратами. Не люблю я космические аппараты! И очень люблю, например, паровоз...

Мы удивились космической необъятности. Но мы живем на земле. Она наша, наш дом, наше тепло. И мы видим Космос с точки зрения земного жителя. Видим сквозь сплетение ветвей деревьев, стоя здесь, на земле.

— Вы и говорите, как поэт.

— Я нет. Моя жена поэт.

— А как, если не секрет, будет представлена в Шествии «Вечерняя Москва»?

— Есть в нашем Шествии заключительный фрагмент «Караван мира», где представители разных стран приветствуют Москву. Открывает этот фрагмент декорированная машина, на которой едет огромный чемодан с множеством наклеек. Торчит из чемодана с одной стороны — карта мира, с другой — трехметровая «Вечерняя Москва» — газета москвичей, которую нельзя не заметить. Возможно, вы сделаете к этому дню специальный выпуск, он будет раздаваться москвичам с этой машины.

Словом, я так думаю, без «Вечерки» нет Москвы и московского Шествия.

Беседу вела
Дина АБРАМОВА

Григорий Белов:

«СОБОЮ Я НЕ ОЧЕНЬ УДИВЛЕН...»

Век. Москва. 1997. — 16 илл. — с. 4

трами различных вузов, в хореографическом отделе, который возглавлял тогда В. А. Преображенский. Стал зарабатывать не только математикой...

У Сац оформил несколько спектаклей. И оперных, и балетные программы. Первый мой спектакль у Наталии Ильиничны назывался «Мастер Рокле». Сама фанатично преданная театру, Сац и от других требовала полной отдачи. Мы дружили. Да я просто жил там, в театре.

— А как же математика?

— Не бросил. Поступил в аспирантуру. И параллельно стал одевать все русские народные коллективы: например, хореографический ансамбль «Березка», Северный народный хор, Волжский, Кубанский, Рязанский, хор Пятницкого, ансамбль «Жель»...

— Но вы же не были художником по костюмам?

— Нет, но это была очень интересная игра. Все та же ситуация: из воздуха возникает домик, собачка, солнышко — жизнь, с попыткой записать это в костюм, в котором находится артист. Стал с Щукинским театральным училищем ставить спектакли, как художник, конечно. С Ширвиндтом, с

А вы стараетесь быть незаметным, поменьше и как можно скупее говорить о себе. Конечно, скромность нынче не в ходу...

Объясните, пожалуйста, как же вы выдержали такую нагрузку: математик и художник, творчество которого буквально нарахват?

— Ну, как-то остался жив. Со временем это стало невозможно. В 87-м году пришлось бросить математику, т. к. не оставалось времени вообще ни на что.

— Сегодня вы главный художник Шествия. Есть ли у вас опыт проведения Дня города?

— На 840-летию работал.

— А чем вас привлекло Шествие?

— Чем мне нравится эта ситуация? Возможностью декорирования машин, которых в шествии участвует около полутора сотен. И каждая машина — это мобильная сценическая площадка со своим спектаклем, способная привезти праздник к вам во двор. К вам в дом. И если вы не сможете прийти на праздник, то мы привезем праздник к вам.

Московское шествие, я надеюсь, будет красочным зрелищем, которое свяжет зрителей общим восприятием

торги по поводу вашей декорации к юбилейному концерту объединения «Энергия», вы сказали, что ваша сфера — это не вы, а Босх...

А так будет выглядеть одна из машин Шествия